

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РЕФОРМ ТАНЗИМАТА

Термин "Танзимат" обычно относят к периоду реформ в истории Османской империи, начавшемуся после провозглашения Гюльханейского хатта в 1839 г. Конечная временная граница этого периода определяется чаще всего либо 1871 г. – годом смерти великого везира Аали паша, либо 1876 г. – годом провозглашения первой турецкой конституции.

Тем не менее, в работах современных авторитетных историков встречаются значительные расхождения в периодизации реформ Танзимата.¹ Это обстоятельство заставляет нас еще раз вернуться к этой проблеме и рассмотреть имеющуюся аргументацию. Начало Танзимата часто относят к 1826 г. – году ликвидации янычарского корпуса и замены его по-европейски организованной армией,² либо к 1838 г. – году учреждения Высшего совета юстиции (*Meclisi Valâyi Ahkâmî Adliye*) – высшего государственного совета, подготавливавшего законодательные предположения,³ либо вообще к царствованию султана Махмуда II (1808–1839 гг.).⁴ Порою начало Танзимата относят еще ранее – к царствованию Селима III (1789–1807 гг.).⁵ Конечная дата чаще всего обозначается не каким-либо годом, а указанием на десятилетия, например: "... условность понятия "Танзимат", под которым в исторической литературе принято понимать совокупность реформ, провозглашенных в Турции в 1839–1860-е годы";⁶ "1839 год в истории Турции является началом особого периода так называемых благодетельных реформ ..., длившегося свыше тридцати лет",⁷ и т.п.

В данной статье мы попытаемся обосновать датировку начала Танзимата годом 1839. Для этого сравним характер преобразований, предпринятых при султанах Махмуде II (1808–1839 гг.) и после 1839 г., инициатором которых при султанах Абдулмеджиде (1839–1861 гг.) был Мустафа Решид паша, автор Гюльханейского хатта, в 1839 г. – министр иностранных дел.

Гюльханейский хатт (1839 г.) провозгласил гарантии неприкосновенности жизни, чести и имущества подданных султана и равенство их, независимо от вероисповедания, перед законом. Проведение этих принципов в жизнь было необходимым условием для развития капиталистического уклада в экономике. Правда, равенство понималось реформаторами ограниченно – лишь как равное право

защищать свою жизнь и имущество перед законом. При этом подразумевалось, что господствующей частью населения останутся мусульмане.⁸

Чтобы гарантировать неприкосновенность жизни, чести и имущества был осуществлен целый ряд мер. В 1840 г. было принято новое уголовное уложение,⁹ в котором лишение (без суда и следствия) жизни даже самого бедного пастуха, совершенное даже самым высокопоставленным везиром, каралось смертью. Этот же закон устанавливал суровые наказания за покушение на чужое имущество и за взяточничество.¹⁰ С целью ликвидировать произвол губернаторов провинций, центральная власть реорганизовала административную систему, ограничив полномочия глав провинций в финансовой и военной областях и назначив им жалованье. Так как источником произвола могла являться и султанская власть, то после провозглашения Гюльханейского хатта в комнате, где хранился священный плащ пророка, султан поклялся следовать принципам хатта. Это означало, что впервые в истории Османской империи султан, "тень бога на земле", признал светский закон выше своей воли. Были приняты и другие меры, призванные гарантировать неприкосновенность жизни и имущества. Равенство перед законом должны были обеспечить принятие в судах свидетельств немусульман наравне со свидетельствами мусульман и всеобщая воинская повинность, в соответствии с которой христиане получали возможность служить в армии бок о бок с мусульманами. Учреждение местных меджлисов (советов), куда наряду с членами-мусульманами допускались и немусульмане, теоретически позволяло последним отстаивать свои интересы для защиты жизни, чести и имущества.

Провозглашенный принцип равенства был совершенно новым для мусульман и по справедливой оценке французского консула в Белграде - Э.Энгельгардта произвел революцию в идеологии мусульманского общества.¹¹

И хотя практические результаты реформ, осуществлявшихся для развития идей хатта после 1839 г., по целому ряду причин были невелики, но после 1839 г. буржуазные нормы внедрялись во все области жизни.

Султан Махмуд II (1808-1839 гг.) отказался провозгласить идентичный Гюльханейскому хатту документ из опасения, что "хатт ограничит его права".¹² Реформы, осуществлявшиеся Махмудом II, не были направлены к обеспечению гарантий безопасности жизни и имущества - необходимых условий для развития капиталистической экономики. При нем продолжались казни без суда и след-

ствия.¹³ Махмуд стремился укрепить свое самовластие. Однако преобразования, осуществленные при этом султানে, безусловно, подготовили необходимые условия, позволившие провозгласить Гьальханейский хатт и осуществлять реформы Танзимата.¹⁴ Своевольные янычарского корпуса и постоянно восстававших наместников провинций грозили распадом империи. Махмуд ликвидировал эту опасность. Он осуществил и другие меры для укрепления и развития государства. При нем в результате заключения англо-турецкого торгового договора 1838 г. были ликвидированы такие свойственные феодальному способу производства экономические системы, как государственные монополии, государственная регламентация и принудительные закупки; в последние годы его жизни были учреждены два высших государственных совета, которые должны были составлять законодательные предположения и изыскивать средства для развития экономики и борьбы со злоупотреблениями. Но договор 1838 г. и учреждение высших советов, которое было предпринято по инициативе Мустафы Решид в последний год жизни султана, были по-видимому для Махмуда лишь актами, вынужденными внешнеполитическими обстоятельствами (восстанием Мехмеда Али, против которого он надеялся получить помощь Англии). Мустафа Решид отмечал, что невыносимая тирания при этом султানে достигла высших пределов, а смелых советчиков он часто подвергал преследованию. Мустафа Решид считал также, что реформы этого султана были "безрезультатными для народа",¹⁵ имея ввиду, очевидно, правовое положение подданных.

Реформы, осуществлявшиеся после 1839 г., обладали такими особенностями, которые заметно отличают их от преобразований предшествовавших царствований и заставляют провести между ними резкую грань: создание ряда необходимых условий для развития капиталистического уклада в экономике, либерализация государственного режима и изменение в идеологии мусульманского общества.

Период Танзимата был периодом больших надежд его инициаторов, которые оправдались лишь в незначительной степени. Вместе с тем Гьальханейский хатт и последующие реформы заронили зерна новой буржуазной идеологии, породили новые буржуазные государственные и общественные институты, чем создали почву для дальнейшего развития страны на пути к буржуазному государству.

Поэтому термин "Танзимат" нам представляется более уместным относить только к периоду реформ, осуществлявшихся после

1839 г., чтобы выделить их из серии преобразований, предпринимавшихся в Османской империи уже с начала XVIII в. Реформы до 1839 г. имели цель модернизировать отдельные институты (прежде всего армию) по европейскому образцу, но они были лишены тех особенностей, о которых говорилось выше.

В заключение заметим, что различия в датировке реформ Танзимата у буржуазных историков объясняются еще и тем, что они не признают марксистского учения об общественно-экономических формациях. Различия в марксистской историографии среди прочих причин можно объяснить двумя. Хотя и является общепризнанной буржуазная направленность реформ Танзимата, но их положительные результаты, отмеченные выше, приносятся, так как основное внимание уделяется малой результативности или даже якобы полной неосостоятельности реформ. Это приводит к стиранию принципиальной грани между преобразованиями, осуществлявшимися до и после 1839 г. Другим аргументом является положение о том, что правящие круги османского феодального государства не могли якобы сознательно внедрять в практику государственной жизни буржуазные институты и делали это лишь напоказ, понуждаемые внешнеполитическими затруднениями. Между тем, источники свидетельствуют об обратном.

Преобразования осуществляли передовые представители правящего сословия феодального общества. Деятели Танзимата, осознавшие степень отсталости своей страны от передовых капиталистических стран Европы, были вынуждены прибегнуть к таким реформам, чтобы усилить государство и сохранить его целостность. Реформы должны были также, по мысли реформаторов, ликвидировать недовольство покоренных народов и укрепить политические и культурные связи Османской империи с Европой. И хотя среди причин, приведших к реформам Танзимата, элемент необходимости или вынужденности определенно присутствовал, инициаторы реформ, возглавляемые министром иностранных дел Мустафой Решидом пашою, прибегли к ним с ясным пониманием их пользы и прогрессивности.¹⁶

История других стран дает примеры обращения правящих кругов к реформам буржуазного характера. Они одновременно старались сохранить многие институты феодального общества, устои которого защищали.¹⁷ Во всех подобных случаях обращение к реформам было вынуждено внутренней отсталостью и революционными движениями снизу, в Османской империи — восстаниями покоренных народов.

I

Перечень различий в датировке реформ Танзимата см.

Ф.Ш.Шабанов, Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата, Баку, 1967, с.17-18; С.Bilsel, *Tanzimatin haricî siyaseti*, - *Tanzimat*, Istanbul, 1940, с. I, прим. I, с.32-33.

2

См., например, М.Н.Тодорова, Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826-1878), - Тюркологический сборник 1976, М., 1978, с.137; Ф.Ш.Шабанов, там же.

3

St.J.Shaw, *The central legislative councils in the nineteenth century ottoman reform movement before 1876*, - "International Journal of Middle East Studies", London, vol. 1, 1970, N 1, с.54.

4

N.Berkes, *The Development of Secularism in Turquie*, Montreal, 1964, с.145; K.Karpat, *An Inquiry Into the Social Foundation of Nationalism in the Ottoman State*, Princeton, 1973, с.84.

5

Л.К.Миле, Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период Танзимата (30-70 гг. XIX в.), автореферат кандидатской диссертации, М., 1961, с.21.

6

Рец. Стр. Димитрова на книгу Ф.Ш.Шабанова (ук. соч.) - "Etudes balkaniques", 1970, № 2, с.143; см. также N.Berkes, указ. соч., с.145.

7

А.Д.Новичев, Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект, - Тюркологический сборник 1972, М., 1973, с.382.

8

Об ограниченном понимании деятелями Танзимата принципа равенства см. Н.А.Дулина, Отношение Мустафы Решид паши к христианскому населению Османской империи, - III и ПИКНВ, XI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР, М., 1975.

9

См. Н.А.Дулина, Первое светское уголовное уложение в Османской империи (1840 г.), - XIII годич. науч. сессия ЛО ИВ, М., 1977.

10

Текст уложения см. R.Kaynar, *Mustafa Resit pasa ve Tanzimat*, Ankara, 1954, с.303-313.

II
Ed. Engelhardt, *La Turquie et le Tanzimat*, Paris, 1882, с. 37.

I2
Tarihi Lütfi, cilt VIII, *Dersaadet*, 1328, с. 390; см. также R. Каунар, ук. соч., с. III.

I3
В 1826 г., например, он физически уничтожил янычарский корпус, орден бекташей и другие корпорации, связанные с янычарами.

I4
О реформах Махмуда II см. А. Д. Новичев, *История Турции*, т. II, ч. I, Л., 1968, с. 134-149, 216-274.

I5
Ed. Bailey, *British policy and the Turkish Reform Movement*, Cambridge, 1942, с. 271-272.

I6
Ed. Bailey, указ. соч., с. 274; N. Milev, *Réhid pacha et la réforme ottomane*, - "Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte", Bd. II, Hf. 3, Berlin, 1912, с. 391-394.

I7
Подробно см. С. Л. Агаев, "Революция сверху": генезис и пути развития, - "Вопросы философии", 1976, № II, с. 74-84.

С. Г. Кляшторный

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ МИФЛОГИЯ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Фрагменты древнетюркской мифологии, сохранные руническими текстами (VIII-X вв.), а также свидетельствами византийских, китайских и армянских источников (VI-X вв.), недостаточны по объему для реконструкции целостной системы мифопоэтического творчества древнетюркских племен Центральной Азии. Не всегда правомерно использование для той же цели этнографических описаний шаманистских ритуалов и соответствующих им идеологических представлений, адекватно отраженных в дореволюционном фольклоре современных тюркских народов. Прямое использование этнографических свидетельств, не корректируемое на диахроническом уровне, вступает в противоречие с явно ретархаизирующей направленностью развития примитивных религиозных систем, сохранившихся на периферии зоны активного воздействия монотеистических религий. Поэтому существующие попытки описания древнетюркской мифологии, в той мере, в какой они основаны на син-